

Ольга Снежко

Лисёнок мой

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С53

Снежко, О.

С53 Лисёнок мой/ О. Снежко. — М. : RUGRAM, 2025. — 196 с.

ISBN 978-5-517-13263-5

Ты отомстил за её гибель. Научился снова жить и защищать.
Но что случится с твоим разумом и чувствами, когда ты вновь
окажешься перед взором её зелёных глаз? И её ли?

Ведь фамильяры — не люди, они лишь поделки магов, при-
званные служить хозяину.

Или всё же нет?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13263-5

© Снежко О., 2025
© Afirida, оформление, 2025
© ZAPilim, иллюстратор, 2025
© RUGRAM, 2025

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	20
Глава третья.....	41
Глава четвёртая	58
Глава пятая	74
Глава шестая	95
Глава седьмая	112
Глава восьмая	129
Глава девятая.....	145
Глава десятая	163
Глава одиннадцатая.....	182

Глава первая

Жизнь Давида Николаевича нельзя было назвать идеальной. И хорошей тоже. Скорее ниже среднего. Так считал он сам и об этом сообщал всем остальным. Новинки моды, техники и магии не радовали, а заставляли, скрипя зубами, пересчитывать деньги в кошельке, потому что его дочка четырнадцати лет от роду обожала покупки. Вот и сегодня она вложила ему в чемоданчик вырванную страницу из журнала, которую он обнаружил во время обеда.

«И как понять, чего она снова хочет? — размышлял он. — Нет, короткую юбку до колена я ей не куплю: пусть ходит в брюках, раз так их просила. А вот насчёт фамильяра на другой стороне листа стоит подумать».

Его малышка становится взрослой, и дух-помощник ей не помешал бы. Но вот скажите, зачем ей материальный прислужник? Эти новые изобретения магов, которые они же и расхваливали на каждом шагу, сильно не нравились Давиду Николаевичу. Они не исчезали, а превращались в незримого духа, когда были не нужны и, что ещё хуже, были разумны! Вы можете себе это представить?

— А если ему взбредёт в голову нанести вред хозяину? — недовольно пробормотал Давид Николаевич, сминая листок и отправляя его метким броском

в мусорную корзину. — Общение с духами никогда до добра не доводило.

— Не знаю, моя жена довольна, — отозвался его новый напарник Егор Сергеевич, которого по молодости лет все называли Егоркой и никак иначе. — Купил ей две недели назад, вместе копили на первый взнос, я ещё и кредит взял. Так она уболтается с ним, а когда я прихожу, молчит. Лепота!

— Скоро ей наскучит, и она снова про тебя вспомнит, — усмехнулся Давид Николаевич.

— Упаси боже! Я и так подумывал о разводе, потому что все её пересказы сплетен дико раздражают. Мне всё равно, кто кого из знати бросил, снова вернулся и далее по списку.

— Верно, нас это не касается, пока они не начали друг друга убивать.

День сегодня выдался спокойным. Давид Николаевич давно заметил, что в четверг количество звонков и посещений гораздо ниже, чем в любой другой день. С чем это связано, он не знал, и ударяться в исследования был не намерен. Важно то, что в четверг он и его напарник не патрулировали город, а сидели в кабинете, занимаясь бумажной работой. Прекрасный день для отдыха и неспешных размышлений.

Повернув голову, Давид Николаевич обратил внимание, что растения на подоконнике давно не поливали. Сморщившись и помянув про себя забывчивых уборщиц, он тихо приказал:

— Рив, полей цветы, но не более двухсот миллилитров на горшок!

Рядом с его стулом соткался низенький безобразный карлик в коричневых штанишках и рубашке и, взвившись в воздух, полетел к окну. Взяв в ладошки кувшин для полива, он старательно исполнил повеление и, поставив тару на место, испарился.

«Крайне удобно! И что все находят в материальных фамильярах? Многозадачность? Нет уж, увольте, духи лучше, пусть и каждую задачу приходится разъяснять в деталях», — отметил Асваров.

Его напарник проводил духа восторженным взглядом, вздыхая, что ему, увы, «повезло» родиться в самой обычной семье и подобного наследия в виде воплощающегося помощника он не имел. Егор понимал, что до ранга стража, а тем более хранителя города, дослужиться ему — простому городовому — будет непросто. Поэтому он старательно пытался подружиться с Асваровым и всегда прислушивался к его советам, надеясь на рекомендации. Ведь ещё недавно он выходил на патрули без казённого духа, но вот уже третью неделю брал под расписку заветный камушек, вплетённый в кожаный браслет. И чья это была заслуга, Егор прекрасно понимал, а потому совершенно не обижался на наставническое отношение коллеги.

В последние два часа рабочего дня в участок пришли всего трое граждан. Двоих выслушали Егор и Давид Николаевич, последний оказался какой-то важной шишкой, и его принял сам начальник, с поклонами проводя в свой

кабинет. Их район был одним из самых спокойных в Ридорре, и служить здесь было одно удовольствие.

Вечером, собрав чемоданчики, мужчины вышли из здания и пошли по направлению к площади Непобедимых. За ней располагался большой магазин, в котором оба городских любили делать покупки. Возможно, в этом были повинны скидки для представителей закона, а может, и обольстительные улыбки продавщиц, и их красивые ножки, которые можно было хорошо рассмотреть благодаря новомодным юбкам. Чувство прекрасного не было чуждо ни Давиду Николаевичу, ни его напарнику, а потому они были здесь частыми гостями.

— Хлеб, печенье, молоко, сыр, котлеты, — проверял свои покупки Егор. — Вроде ничего не забыл.

— Утром ты упоминал ещё масло и гвоздику, — напомнил тому Давид Николаевич.

— Точно, спасибо. Мне ещё масло, пожалуйста, подсолнечное. А гвоздика — это я про цветы, надо на могилу к матери завтра сходить. Куплю по дороге.

— С вас за всё сто семнадцать монет, — приятный голосок продавщицы поднял настроение, несмотря на озвученную сумму. — Что-нибудь ещё?

— Нет, это всё, — Егор достал одну купюру достоинством в сто монет и ещё восемь кругляшек: одна достоинством в десять монет и семь по одной.

В Кинерийском царстве деньги назывались просто — монеты, пусть уже и появились их бумажные эквиваленты. Это не чужие *кси* и *амиры*, что в ходу за Зелёным морем, а родные чеканки. Время от времени монеты пытались

назвать как-то иначе, но чаще всего обозначения были слишком мудрёными и про них так же быстро забывали.

— А для вас? — девушка перевела взгляд на Асварова и обворожительно улыбнулась.

— По списку, пожалуйста, — Давид Николаевич выложил на стойку листок бумаги, исписанный аккуратным почерком.

Продавщица забежала по магазину, невысокие каблучки застучали по полу. Чуть перегнувшись через прилавок, Давид Николаевич украдкой наблюдал за ней.

— Загляденье просто, — прошептал он, когда та, крутанувшись на носочке, повернулась влево. Полы юбочки приподнялись, открывая колени.

«В чулках подобный наряд смотрится даже цивильно. Быть может, купить всё-таки такую юбку дочери? Пусть покрасуется... Хотя нет. Мала ещё!»

— С вас двести сорок шесть, Давид Николаевич.

В этом магазине его знали и любили. Особенно после того, как он спас одну из продавщиц от насильника.

— Благодарю, красавица, — он отсчитал деньги и забрал покупки, уже упакованные в две чёрных холщовых сумки с белым отпечатанным фирменным знаком магазина.

— Приходите к нам ещё! — улыбнулась на прощание продавщица.

На улице напарники попрощались и разошлись. Егор направился дальше по улице в сторону своего дома, а Давид Николаевич сделал шаг к дороге.

— Асмит, явись! — призвал он своего второго фамильяра.

Чёрный конь словно взвился из-под брусчатки и грациозно взмахнул гривой. Тонконогий, с лоснящейся шерстью. Его хозяин, легко оттолкнувшись от земли, запрыгнул в седло, не забыв перед этим погрузить покупки прямо в коня, который на мгновение подёрнулся дымкой, принимая багаж. Этот нематериальный фамильяр передавался в семье вот уже восемь поколений и по праву считался лучшим приобретением. Он не уставал, не требовал регулярного ухода, всё, что ему было нужно, — это энергетическая подпитка раз в полгода-год. И если бы не её стоимость в четыре тысячи монет, всё было бы чудесно.

Дом Асварова находился в четырёх кварталах от здания управы. Это был уютный одноэтажный особнячок с обустроенной мансардой, которую года четыре назад оккупировала дочурка, потому что ей нравилось сидеть у окна и смотреть на прохожих сверху. А ещё потому, что мансарда была больше её бывшей комнаты, в которой теперь располагалась кладовая и гардеробная.

Войдя в дом, Давид Николаевич поставил покупки на стол в кухне и ушёл переодеваться.

В комнате он встал перед высоким зеркалом с ажурной рамой и, разглядывая отражение, утомлённо вздохнул. На него смотрел высокий крепкий мужчина лет сорока с первой сединой в чёрных волосах, с усталыми зелёными глазами и тщательно выбритой щетиной. Сколько бы он ни критиковал современную моду, ей приходилось следовать хотя бы в мелочах. Поэтому его рубашки украшали

